

**ХІІ региональная олимпиада по краеведению школьников
Санкт-Петербурга среди 8-11 классов**

**Блокада Ленинграда глазами
Марии Сергеевны Коноплёвой
(по материалам блокадного дневника)**

Работу выполнила: Бирюкова Полина,
ученица 10 класса ГБОУ СОШ №233

Краеведческое объединение «Охта»

ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской»

Руководитель: Столбова Наталья Павловна

Санкт-Петербург

2023

Оглавление

Вступление.....	С.2
Глава 1. Из биографии Марии Сергеевны Коноплевой	
1.1 Учеба и научная деятельность.....	С.6
1.2 Трудовая деятельность.....	С.7
Глава 2. Быт ленинградцев в дневнике М.С. Коноплевой	
2.1 Подготовка жилищ к войне.....	С.9
2.2 О продуктовых карточках.....	С.11
2.3 Организация питания в столовых.....	С. 12
2.4 Меню блокадников.....	С.14
Глава 3 Эрмитаж в блокаду глазами эрмитажного сотрудника М.С. Коноплевой	
3.1 Изменения в работе Эрмитажа.....	С.17
3.2 Эвакуация экспонатов из Эрмитажа.....	С.18
3.3 Блокадные воспоминания, связанные с темой «Эрмитаж в годы блокады»	С.20
3.4 Эрмитаж в блокаду Ленинграда глазами ребенка	С.22
Заключение.....	С.24
Список источников и литературы	С.26
Приложение.....	С.28

Вступление

Выбор темы работы обусловлен тем, что в моей семье, в которой были блокадники, очень мало говорили о блокаде Ленинграда, хотя тема эта интересовала меня. Каждый год в школе нам рассказывали о снятии блокады Ленинграда, я всегда хотела изучить эту тему подробнее, но моя прабабушка не любила говорить о событиях войны, для нее это было очень тяжело.

Я знаю лишь то, что мою прабабушку звали Клепикова Анна Михайловна (1906-1991), на момент начала Великой Отечественной войны ей было 34 года. Семья жила в коммунальной квартире на улице Майорова 41 (сейчас Вознесенский проспект). Анна Михайловна работала на стройке, во время блокады всех рабочих и ее, в том числе, возили копать окопы. К сожалению, это все что я знаю о жизни моей прабабушки. Она умерла в 1991 году в возрасте 85 лет.

Единственным человеком кто мог рассказать мне о блокаде, стала моя бабушка Бирюкова Людмила Андреевна (1940-2023). На момент начала блокады ей было 1,5 года, она мало что помнит о том страшном периоде. Я видела лишь юбилейные и памятные медали моей бабушки: памятную медаль в честь 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, выданную в 2004 году, юбилейные медали в честь 50-летия, 55-летия, 60-летия, 65-летия победы в Великой Отечественной войне.

Поэтому темой моего проекта я выбрала изучение быта ленинградцев в годы блокады.

Актуальность: блокада Ленинграда стала одним из важнейших событий не только в самом городе, но и во всей стране. Каждый год общеобразовательные учреждения Санкт-Петербурга участвуют в акциях, посвященных данному событию, но немногие люди понимают истинную значимость данных мероприятий. Тема способствует развитию патриотизма, так как с каждым новым поколением ребята забывают героические подвиги нашего города.

Хочется отметить, что подробно Великая Отечественная война и непосредственно Блокада Ленинграда изучается в 10 классе, но это не значит, что ребята младшего возраста не должны знать подвиги нашего города и страны.

На примере дневника М.С. Коноплевой (1871-1946) можно узнать о жизни обычных людей во время тяжелой и жестокой Блокады Ленинграда.

Цель: опираясь на дневник М.С. Коноплевой, получить представление о жизни людей в блокадном Ленинграде в период Великой Отечественной войны.

Задачи:

- Проанализировать дневниковые записи, касающиеся разных сторон жизни блокадного Ленинграда

- Сопоставить приведенные автором дневника сведения с документальными источниками, касающимися блокады

- Сделать выводы о жизни в блокадном Ленинграде

Объект исследования: блокада Ленинграда: 2ая половина 1941 года

Предмет исследования: блокадный дневник М.С. Коноплевой

Методы исследования: анализ, структурирование, обобщение

Хронология ведения дневника: 22 июня 1941- 19 января 1943 гг, Ленинград. Для проекта я выбрала только одну тетрадь (22 июня 1941- 5 декабря 1941).

Объем дневника: 3 тетради формата А5.

Дневник был передан автором в Отдел рукописей РНБ в 1943 году.

Обзор источников по теме

В ходе работы над проектом я проанализировала достаточно много источников информации. Изучив информацию, мне удалось сгруппировать источники на 2 группы:

Первая группа состоит из источников, в которых описываются жизнь и быть ленинградцев в блокаду Ленинграда: «Блокадная книга» написана Д.А. Граниным в соавторстве с А.М. Адамовичем в 1977 году [2]. Из книги я

брала информацию об организации питания по продуктовым карточкам, быта, также описания культурной стороны жизни ленинградцев, в ней я нашла достаточно много упоминаний об Эрмитаже, где работала М.С. Коноплева.

Книга «Повседневная жизнь блокадного Ленинграда» была написана в 2013 году С.В. Яровым [11]. Информация в книге помогла уточнить и дополнить некоторые факты, указанные М.С. Коноплевой в блокадном дневнике, а именно о быте, организации питания в столовых и меню блокадников.

Вторая группа состоит из источников, с помощью которых можно проанализировать научную и трудовую деятельность М.С. Коноплевой:

Статья «Ипполит Федорович Богданович» написана Марией Сергеевной Коноплевой и опубликована в журнале «Русский архив» в 1911 году [9]. Статья была взята для анализа трудовой деятельности и являлась первой публикацией М. С. Коноплевой.

Статья «Мария Семеновна Жукова» в журнале «Голос минувшего» была написана Марией Сергеевной Коноплевой в 1913 году [7]. Статья бралась для анализа научной деятельности Марии Сергеевны Коноплевой.

Книга «Работа Союза городов на Северо-западном и Северном фронтах: 1915-1916 гг.» составлена М.С. Коноплевой и Г.А. Вяткиным в 1917 году [8]. Книга также использовалась для анализа трудовой деятельности М.С. Коноплевой.

Сборник «Эрмитаж. Хроника военных лет. 1941–1945.» составлен в 2020 году по архивным документам сотрудников Эрмитажа и приурочен к 75-летию победы в Великой Отечественной войне [10]. В сборнике представлены не только архивные документы, но и множество фотографий и рисунков блокадного Эрмитажа, информация бралась для анализа и подтверждения фактов из дневниковых записей Марии Сергеевны Коноплевой о трудовой деятельности и эвакуации экспонатов в Эрмитаже во время блокады Ленинграда.

ГЛАВА 1. Из биографии Марии Сергеевны Коноплевой

1.1 Учеба и научная деятельность.

Изучать блокадный дневник оказалось не просто. Внимательно изучая записи, я узнала, что автором дневника являлась Мария Сергеевна Коноплева. На момент написания дневника ей было 70 лет. Родилась она в 1871 году в семье художника. Отца звали Сергей Яковлевич Коноплев, он работал в Академии Художеств. В 1858 году С.Я. Коноплев получил звание свободного художника по живописи, а в 1864 году звание художника по архитектуре. [5] [7 С.139]

М. С. Коноплева училась на Высших женских курсах Н.П. Раева.

Высшие историко-литературные и юридические женские курсы Н. П. Раева — курсы высшего образования для женщин в Российской империи с историко-литературным и юридическим факультетами, учреждённые в Санкт-Петербурге 3 декабря 1905 года действительным статским советником Николаем Павловичем Раевым. С 1908 года курсы разместились в доме № 20 по Гороховой улице в Санкт-Петербурге. [4. С.3-4]

М.С. Коноплева училась на историко-литературном отделении, где преподавались: богословие, психология, логика, педагогика. [4. С.3-4]

Затем она продолжила обучение в Институте истории искусств. Институт был основан в 1912 году В.П. Зубовым - искусствоведом, доктором философии, первым директором Дворца-музея в Гатчине. В. П. Зубов разместил учреждение в собственном особняке (Исаакиевская площадь, 5). После Октябрьской революции 1917 года он передал особняк новому правительству и институт стал государственным. [6]

Первая публикация Марии Сергеевны Коноплевой появилась в 1911 году в журнале «Русский архив» и называлась «Ипполит Федорович Богданович». Ипполит Федорович Богданович- русский поэт, переводчик. В историю русской литературы вошёл главным образом как автор стихотворной повести «Душенька». В своей статье Мария Сергеевна

Коноплева рассказывала о журналах, издаваемых И.Ф. Богдановичем, изучала его автобиографию. [10. С. 108-116.]

Следующая публикация Марии Сергеевны Коноплевой была в журнале «Голос минувшего». Журнал «Голос минувшего» - русский журнал истории и истории литературы, издавался в Москве ежемесячно. М.С. Коноплева опубликовала свою статью в 1913 году, статья была о Марии Семеновне Жуковой. М.С. Жукова (1804-1855) - русская детская писательница и художница. Мария Сергеевна Коноплева рассказывала о Марии Семеновне Жуковой как о писательнице, рассматривала ее произведения, пыталась создать ее биографию. М.С. Коноплева пыталась максимально точно рассказать о разных сторонах жизни М.С. Жуковой. [8. С. 19-38.]

Мария Сергеевна издала книгу в соавторстве с Георгием Андреевичем Вяткиным «Работа союза городов на северо-западном и северном фронтах». Книга была издана в 1917 году. Книга представляет собой очерк деятельности Комитета Северо-Западного фронта со времени его образования весной 1915 года. В очерке рассказывается о Северном фронте, о боевых действиях, о стратегических условиях. При составлении очерка использовались официальные отчеты и доклады. [9. С.1-4]

1.2 Трудовая деятельность

Изначально М.С. Коноплева занималась написанием и публикацией статей, с 1918 года она работала в качестве научного сотрудника в Комиссии по охране памятников искусства и старины по разбору и учету художественных собраний. [7]

Далее Мария Сергеевна Коноплева работала в Русском музее с 1920 по 1923 год и с 1938 по 1940 год. Императорский русский музей был открыт 19 марта 1898 года. Музей располагается на Инженерной улице. Мария Сергеевна Коноплева работала там в качестве научного сотрудника. [6]

Затем Мария Сергеевна Коноплева продолжила трудовую деятельность в Шуваловском дворце с 1923 по 1938 год, работая хранителем, она

занималась хранением музейных предметов, их изучением, проверяла регистрации в инвентарных книгах по фондам хранения. [6]

Дворец был построен в XVIII веке при Екатерине II. Шуваловский дворец находится на набережной Фонтанки, дом 21.

Последним местом работы М.С. Коноплевой стал Государственный Эрмитаж, она работала там, в качестве научного сотрудника с 1940 года. Мария Сергеевна Коноплева стала работать в Эрмитаже по рекомендационной записке О.Э. Вольценбурга.

С 1932 по 1959 год О.Э. Вольценбург заведовал библиотекой Эрмитажа. В годы Великой Отечественной войны руководил эвакуацией книг и архивных фондов Эрмитажа. [3]

Глава 2. Быт ленинградцев в дневнике М.С. Коноплевой

В условиях блокады Ленинграда кардинально поменялся быт каждого жителя. Ленинградцам приходилось находить любые способы, чтобы выжить. В блокадном дневнике Марии Сергеевны Коноплевой содержатся бесценные описания быта людей.

2.1 Подготовка жилищ к войне

Как же выглядели дома ленинградцев снаружи? В одной из первых записей 25 июня 1941 Мария Сергеевна Коноплева пишет: «Стекла во всех домах постепенно заклеиваются белыми полосками бумаги в виде буквы Ж для увеличения сопротивляемости стекол напору воздушных волн при бомбардировках.» С течением времени в жилые дома стали прилетать снаряды, окна были разбиты, об этом автор дневника пишет 27 сентября 1941 года: «окна заделывают фанерой. Если все стекла разбиты, жить приходится в полной темноте, что при недостатке керосину и спичек очень тяжело.» [1]

Мария Сергеевна Коноплева упоминает в своем дневнике и улицы Ленинграда, об этом она пишет 4 октября 1941 года: «Улицы Ленинграда, несмотря на ясную погоду, выглядят с каждым днем все мрачней. Все больше выбитых стекол, огороженных полуразрушенных зданий. Окна нижних этажей закрыты громадными двойными щитами и засыпаны песком в промежутках, между досками щитов. Говорят, что такого рода укрытия только и могут спасти большие стекла во время бомбардировок с воздуха и обстрелов.» [1]

Действительно, во многих домах стекла были выбиты, окна закрывали чем могли, кто-то коврами, кто-то матрацами. Но это не спасало от снарядов, многие осколки снарядов залетали в окна, застревали в стенах. [2. С.14] Также известно, что лимиты на пользование электричеством были установлены в середине сентября 1941 года. Ленинградцам запретили пользоваться электроприборами, но при этом ленинградцам выдавали 2,5 литра керосина для освещения помещений. [12. С. 50]

Мария Сергеевна Коноплева жалуется на нехватку дров и лимитированное электричество, в такое тяжелое время спасали буржуйки. Об этом упоминается 14 ноября 1941 года: «Ввиду того что дров вообще крайне трудно достать, керосин не выдается с 14.10, электричество лимитировано, внимание хозяек, как в годы гражданской войны, обращается к «буржуйкам». Мастера, делающие их, конечно, находятся, но в уплату требуют не деньги, а продукты питания — хлеб, масло». [1]

После записи Марии Сергеевны Коноплевой сразу появляется вопрос о том, что такое буржуйка и как ей пользовались. Буржуйка — это печь, которая изготавливалась из железа, ее «колени» для дымоотвода чаще всего выводили в окно, в основном в форточку. Находили их иногда где-нибудь на чердаках от первых лет революции. Топили тряпьем, старой обувью, паркетом, матрацами, но главным топливом стали деревянные дома. Ими отапливались учреждения, предприятия. Их распределяли организованно, через райисполкомы. Она быстро нагревала комнаты, но тепло так же быстро уходило, когда печь едва переставали топить. Печками времянками разрешили пользоваться с ноября 1941 года, их выпускали мало, поэтому многие ленинградцы искали слесарей или пытались сделать печь сами. Со слесарями чаще всего расплачивались не деньгами, а продуктами. [12. С.58-59] [2. С.67]

С течением времени условия становились тяжелее, самые обыденные предметы становятся действительно важными. Об этом М.С. Коноплева рассказывает 27 ноября 1941 года: «Несколько дней свет давали с 7 часов вечера до 12 ч. ночи, но вчера и в это время света не было, давали свет только во время тревог, если они случались в сумерки до 7-ми часов или ночью. Мы бродили при свете «гасика» (или «коптилки»), натываясь на мебель, как кроты и легли спать в 9 часов. Керосин уже давно исчез из нашей жизни, свечей тоже нет в продаже. У меня случайно сохранились 5 масленных сложных свечей, которые я расходую с величайшей экономией.» [1]

2.2 О продуктовых карточках.

Ограниченная продажа основных продуктов питания по установленным нормам, то есть по продуктовым карточкам, была объявлена в июле 1941 года. Продуктовая карточка представляла собой документ, который давал право ленинградцам приобретать продукты по низким государственным ценам. Карточка выглядела как лист бумаги, на который типографским способом была нанесена сетка талонов с указанием, сколько граммов продуктов можно получить по ним. При покупке какого-либо продукта талоны из карточки вырывались в строгом соответствии с весом товаров. [12. С. 226-227]

Мария Сергеевна Коноплева рассказывает, что с введением продуктовых карточек обострилась паника среди людей и купить обычный хлеб стало практически невозможно. Об этом М.С. Коноплева пишет 18 июля 1941 года: «Опубликовано постановление Ленсовета о введении продуктовых карточек. Вечером, возвращаясь, домой, я попыталась, как обычно на проспекте 25 Октября купить хлеб. У магазинов «Хлеб» стояли такие очереди хозяек с мешками, стремившиеся сделать запасы хлеба, что надо было постоять в очереди не менее двух часов... Я пошла домой без хлеба. В четырех других булочных, куда я заходила по пути домой, ничего уже нельзя было купить, ни хлеба, ни пряников, ни печенья. Так кончился последний день свободной торговли в Ленинграде» [1]

Кроме карточек на хлеб были введены карточки на другие продукты питания, такие как сахар, масло, мясо, молоко, яйца, чай. При покупке любых продуктов питания Мария Сергеевна упоминает о том, сколько она простояла в очередях. Огромные очереди обусловлены большим количеством тревог, так как в магазине нельзя было находиться при объявлении тревоги, все должны были спуститься в бомбоубежище. Об этом Мария Сергеевна Коноплева пишет 10 сентября 1941 года: «Беспрестанные тревоги вчерашнего и сегодняшнего дня все более дезорганизуют жизнь города — многие жители остаются без хлеба и обеда, так как по непонятным

соображениями заведующим лавками и столовыми дано распоряжение удалять из помещений на время тревог всех, кроме обслуживающего персонала. В результате этих мероприятий получается следующее: я стояла в очереди у кассы, чтобы уплатить за хлеб, и протягивала деньги, но кассирша оттолкнула мою руку и закрыла кассу — выли сирены. Всем бывшим в булочной предложили выйти на улицу и... «укрыться» в соседнем подъезде, где все стоявшие в очереди за хлебом и просидели на каменных ступенях полтора часа!» [1]

Записи от 16 и 17 сентября 1941 года подтверждают, что в очередях за продуктами приходилось стоять огромное количество времени: «Сегодня с утра отправилась добывать яйца, которые (5 штук на месяц) и получила, простояв в очереди 4 ½ часа.», «Чтобы получить 100 граммов масла стояла в очереди с 10-ти до 4-х часов дня — шесть часов! — из которых в течении часа была тревога» [1]

М.С. Коноплева была очень рада, когда отменили распоряжение об удалении покупателей из магазинов при тревоге. Об этом она пишет 1 ноября 1941 года: «К счастью теперь уже отменили распоряжение удалять покупателей из магазинов во время «тревог», а затем устанавливать новую очередь, что доводило домашних хозяек до рукопашных боев.» [1]

С 20 ноября рабочим стали выдавать 250 граммов хлеба, служащим, иждивенцам, детям - 125 граммов хлеба, черного, липкого, как замазка, водянистого, с примесью целлюлозы и опилок, и ничего кроме этого. Это подтверждает запись от 20 ноября 1941 года: «Сегодня хлебный паек еще снизили до 125 гр (служащим) и 250 гр. (рабочим). Продуктовые магазины совершенно пусты (от товаров, конечно), но были полны народом, ожидавшего подвоза каких-нибудь продуктов за вторую декаду ноября. Настроение у ожидающих паническое.» [2. С.75]

2.3 Организация питания в столовых

Мария Сергеевна Коноплева много пишет о питании в столовых, она питалась в вегетарианских столовых на канале Грибоедова, улице Толмачева,

и на углу Володарского проспекта (Литейный проспект) и проспекта 25 Октября (Невский проспект). Известно, что Мария Сергеевна Коноплева имела льготы, так как она была инвалидом и безработной.

Многим людям было выгоднее питаться в столовых, так как для того, чтобы разогреть дома обед или ужин, требовались дрова, которые многие или не имели вовсе, или тщательно оберегали, тратя их экономно. Приобрести же простые продукты в магазинах удавалось лишь после многочасового стояния в очередях. [12. С. 78]

О нехватке продуктов и ресурсов Мария Сергеевна Коноплева пишет 27 сентября 1941 года: «Дома готовить не из чего, так как в этом месяце по «иждивенческим» карточкам выдали только 400 гр. чичевицы и 100 гр. (горчичного) масла.» [1]

Множество столовых с началом войны были предоставлены только для питания служащих, рабочих и беженцев. Об этом М.С. Коноплева пишет 27 сентября 1941 года: «Почти все столовые и кафетерии предоставлены служащим и рабочим, которые допускаются в столовые по пропускам, которые выдаются по спискам учреждений. Небольшое число больших столовых, как напр. на углу просп. 25 Октября и ул. Герцена открыты для всех...» [1]

Мария Сергеевна Коноплева очень часто пишет об огромных очередях в столовых, это подтверждает запись от 12 сентября 1941 года: «В столовой царил хаос — все кричали, ругались, требовали подачи блюд, на дом отпускали только суп. Я решила терпеливо переждать. Около 12 часов я получила два блюда, довольно вкусно приготовленные.» [1]

В столовых также, как и в магазинах при тревогах все покупатели должны были покинуть помещение. М.С. Коноплева об этом пишет 10 сентября 1941 года: «В столовых посетителей заставляют прерывать обед или терять очередь на его получение и бежать также в соседние подъезды, хотя с точки зрения безопасности от бомб эти подъезды не представляют никаких

преимуществ перед булочными и столовыми, которые обычно помещаются в первых этажах больших домов.» [1]

Мария Сергеевна Коноплева так же питалась в столовой при Эрмитаже, пропуск она получила 22 сентября 1941 года. «Я также получила пропуск и в столовую, и в бомбоубежище №5.» Но положение с продуктами в эрмитажной столовой также было критическим. Об этом М.С. Коноплева пишет 27 сентября 1941 года: «Не пользуюсь часто и столовой... так как вчера, например, около 30 человек штатных сотрудников не получили обеда — не хватило!» [1]

2.4 Меню блокадников

В дневнике, Мария Сергеевна Коноплева, очень подробно описывает меню своих обедов и ужинов в столовой. Вот как описывается обед в столовой на углу Некрасовской улицы и Володарского проспекта 8 сентября 1941 года: «Простояв с полчаса я получила за 3 р. 40 коп. тарелку супа из соевых бобов, воблу на второе блюдо и два кусочка хлеба. Вилки в буфете не нашлось, я ела ложкой и суп, и воблу, помогая, конечно, хлебом и рукой.» [1]

Мария Сергеевна Коноплева до войны питалась в вегетарианских столовых, но блокада изменила многое. 5 октября 1941 в дневнике написано: «Я питаюсь по-прежнему в Эрмитажной столовой — получаю ежедневно тарелку какого-нибудь супа, который съедаю с кусочком хлеба. Мясное блюдо получаю один раз в неделю — по карточке мне полагается 400 гр. мяса в месяц. Каждый раз в столовой отрезают 100 гр. Обычно я почти не ела мяса и питалась в вегетарианской столовой, теперь я его съедаю с жадностью и охотно ела бы ежедневно. [1]

На обед и ужин М.С. Коноплева часто ела гороховый суп, в котором плавало немного горошин, суп из дрожжей, кашу из чечевицы, гороха, пшена, серую лапшу. Запись от 23 октября 1941 года: «Дело питания населения все ухудшается. Ждем в столовой обеда по два часа, после чего получаем суп-горох (мутную воду, в которой плавают десятка два горошин, и микроскопическую порцию каши. Тем, кто ограничивает себя одним супом,

сберегая для семьи крупяные талоны, приходится плохо. Я на последнюю декаду октября сдала талоны на крупу в столовую, считая, что выгодней сдать десять талонов (200 гр.) на крупу и получить 8, хотя и микроскопических порций каши с маслом. Мы все становимся чрезвычайно расчетливыми в отношении съестных продуктов!» [1]

Мария Сергеевна Коноплева 20 ноября 1941 года пишет: «Крупа исчезла совсем: в столовых дают «суп» из дрожжей или жирную воду с хряпой». Щи из хряпы — блюдо сезонное, его готовили только осенью. Рецепт данных щей достаточно прост. На рынке покупались нижние зеленые листья, оставшиеся после снятия капусты. Листья очень мелко нарезались и опускались в холодную воду. Варили такой суп очень долго, если была какая-то крупа, то ее обязательно добавляли. Щи получили название «хряпа», потому что даже при длительной варке листья были жесткие и хрустели на зубах. [12. С. 255]

Мария Сергеевна Коноплева писала об употреблении в пищу кошек, собак, голубей. Вот, что написано в дневнике 1 декабря 1941 года: «Получить в столовой можно только одно блюдо, кроме супа. Голод ощущается все сильней. Охотно покупаются и съедаются кошки. Едят и собак. Исчезли голуби.» [1]

3 декабря 1941 года в дневнике М.С. Коноплевой написано: «Вчера ребята на нашей лестнице сообщили мне, что в нашем доме живет «дядька-людоед», который ест кошек, а шкурки выбрасывает на помойку. Кошки, которых в нашем доме было очень много, действительно все исчезли. Моя знакомая А.Д. Золотарева говорила мне вчера, что охотно купила бы кошку, чтобы подкормить своего внука. Было в нашем доме также много голубей — их уже больше не видно.» [1]

Действительно, употребление в пищу мяса собак и кошек стало обыкновением. Собаки исчезли быстрее всего- их было не так много, и они не могли, как люди, долго голодать. Чаще всего ели кошек. Употреблять их мясо стали еще в начале октября 1941 года, хотя недоедание еще ощущалось

не так сильно, как позднее. Голодных кошек, подбегавших к людям, поймать было легко.

Во второй половине ноября 1941 года кошки исчезли с ленинградских улиц, в помойках начали находить их шкурки. В ноябре кошка стоила 40-60 рублей, а в декабре-125 рублей. [12. С. 246]

Глава 3. Эрмитаж в блокаду глазами эрмитажного сотрудника М.С. Коноплевой

3.1 Изменения в работе Эрмитажа.

Мария Сергеевна Коноплева начинает записи про Эрмитаж 23 июня 1941 года: «Эрмитаж закрыт. В залах, вместо посетителей выстраиваются ящики разных размеров, картины начинают исчезать со стен. Очищаются подвальные помещения, где устраиваются бомбоубежища. Часть помещений будет использовано для хранения коллекций.» [1]

Режим работы сильно изменился, работу очень часто прерывали тревоги, многие сотрудники оставались ночевать в Эрмитаже. Вот, что пишет М.С. Коноплева 7 июля 1941 года: «Тревога между 5—5'2 часами застала меня еще в Эрмитаже. По телефону от директора всем сотрудникам предложили спуститься в бомбоубежище. Пока мы туда дошли тревога кончилась и все пошли обратно. Работали опять до 10 часов вечера. Многие сотрудники остались ночевать в Эрмитаже, так как до 11 часов работы не кончили» [1]

Многих мужчин обязали обучаться военному строю, организовали добровольческую и трудовую армию. Это можно подтвердить записями от 2 и 26 июля 1941 года: «В Эрмитаже после занятий общее собрание, посвященное вопросу об организации добровольческой армии. Около 40 человек записались. Одновременно записывались в трудовую армию много женщин.», «Во всех учреждениях мужчины до 55 летнего возраста обязаны обучаться в течении 48 часов военному строю. Поэтому весь оставшийся мужской состав Эрмитажа, за исключением стариков, остаются на два часа после занятий и проходят занятия на Эрмитажном дворе.» [1]

28 июля 1941 года в Эрмитаже опубликовали конкретные дни отдыха, чему М.С. Коноплева была очень рада: «В Эрмитаже наконец установили дни отдыха — воскресения и понедельники. Сотрудники распределены на две группы: одни отдыхают по воскресеньям, другие по понедельникам. Таким образом, Эрмитаж не закрывается.» [1]

Мария Сергеевна Коноплева часто писала о сокращениях на работе и писала, что пока это не коснулось научного состава. Но пятого августа ее сокращают на работе. Вот, что пишет М.С. Коноплева об этом событии: «5го августа меня сократили на службе в Эрмитаже, и я оказалась безработной с несколькими стами рублями в кармане и пенсией. Две мои статьи, принятые к печати эрмитажным издательством, остались в редакции, в ожидании лучшего времени.» [1]

Через несколько недель Марии Сергеевне Коноплевой поступило предложение эвакуироваться в Свердловск, туда эвакуировали сотрудников Эрмитажа. Долго обдумывая, М.С. Коноплева решила все-таки остаться в Ленинграде. Действительно, многие сотрудники отказывались от эвакуации, не хотели уезжать. Запись от 20 августа 1941 года подтверждает это: «Вечером ко мне приходила Е.Н Якоби с неожиданным предложением мне от Эрмитажа — снова вступить в штат сотрудников и эвакуироваться в Свердловск, где находятся остальные, уехавшие раньше сотрудники Эрмитажа. Предложение это, вероятно, результат предложения Комитета по Делах Искусств, охранять и эвакуировать из Ленинграда специалистов. Долго не могла заснуть обдумывая, какое принять решение — ехать или остаться? Под конец все-таки пришла к решению остаться в Ленинграде, где я родилась и провела всю жизнь.» [1]

6 ноября 1941 года в дневнике написано: «Была в Эрмитаже — отопление там испортилось — везде холод, в библиотеке 5 градусов тепла.» С течением времени стены в Эрмитаже были полностью заморожены, они даже покрылись инеем. На стенах висели пустые рамы- золотые, дубовые, гладкие, с вычурной резьбой, украшенные орнаментом. [2. С.54]

3.2 Эвакуация экспонатов из Эрмитажа

Первую запись об эвакуации экспонатов Мария Сергеевна Коноплева делает 29 июня 1941 года: «Стены третьего и второго этажей Эрмитажа опустели, висят пустые рамы — картины в ящиках. Процесс эвакуации экспонатов 30 июня 1941 года выглядел так: «Сегодня с трех часов дня

грузовики стали выстраиваться у подъездов Эрмитажа. Около 6 часов началась погрузка ящиков, продолжавшаяся до 12-ти часов ночи. Ящики грузились одновременно с четырех подъездов Эрмитажа командами красноармейцев. Грузовики сопровождала военная охрана НКВД и научные сотрудники Эрмитажа. В общем упаковка экспонатов, подлежащих вывозу в первую очередь продолжалась шесть дней: 22 июня обсуждался план работы, 23.06 приносили ящики, изготовленные несколько лет назад. К сожалению прибывшие из Москвы представители Комитета по Делах Искусств Храпченко так торопили укладку, что описи пришлось до крайности упрощать, опуская многие намеченные подробности.» [1]

По статистике Эрмитаж вывез миллион сто семнадцать тысяч предметов. В залах картин практически не было, но некоторые предметы вывезти не удалось. Например, роспись лоджии Рафаэля, фреску Анджелико. Все рамы остались висеть на стенах. [2. С.53]

Эвакуация экспонатов в Эрмитаже проводилась до 22 сентября 1941 года. Вот, что пишет М.С. Коноплева 6 июля 1941 года: «Одновременно со мной в Эрмитаж пришла воинская часть помогать в переносе ящиков. Спешно упаковываются скульптура, арсенал. Сотрудники работают в библиотеке до 10 часов вечера.» [1]

Экспонаты упаковывались максимально надежно. Для защиты от сырости и пыли использовали рубероид, целлофан, клеенки, папки и бумаги. На все материалы создавались поящичные описи, ящики перевязывали проволокой и plombировали. [2. С.203]

Об эвакуации экспонатов М.С. Коноплева последний раз упоминает 22 сентября 1941 года: «Сегодня была в Эрмитаже. Ящики «третьей очереди» стоят по-прежнему на подъездах и об отправке их больше не говорят.» [1]

Все эвакуированные экспонаты отправляли в Свердловский филиал. Экспонаты были упакованы в ящики, их было свыше 2500 штук. Временами организовывались контрольные вскрытия ящиков для проверки состояния

экспонатов, вскрытие происходило всегда в присутствии директора Свердловского филиала, составлялся протокол вскрытия. [11. С.105]

3.3 Блокадные воспоминания, связанные с темой «Эрмитаж в годы блокады»

Проанализировав дневник Марии Сергеевны Коноплевой, представляется целесообразным познакомиться с другими блокадными первоисточниками, касающимися работы Эрмитажа в период блокады Ленинграда. Были выбраны воспоминания, Глафиры Николаевны Балашовой (1908-1988) и Анны Григорьевны Беловой (род.1933).

Глафира Николаевна Балашова — специалист по культуре и искусству Средней Азии. Г.Н. Балашова родилась 25 января 1908 года в Петербурге. В 1930 году окончила Восточное отделение историко-лингвистического факультета Ленинградского государственного университета. В 1935 году поступила на работу научным сотрудником в Отдел Востока Эрмитажа. В июле 1941 года эвакуировалась в составе второго эшелона с экспонатами Эрмитажа в Свердловск. С 1943 года была ученым секретарем филиала. В октябре 1945 года вернулась из эвакуации.

В своих воспоминаниях Г.Н. Балашова оставила интересные подробности об эвакуации эрмитажных экспонатов. Благодаря ее воспоминаниям можно проследить этапы эвакуации экспонатов. Вот, что Г.Н. Балашова пишет 1 июля 1941 года: «К вечеру к Эрмитажу стали подъезжать машины для погрузки ящиков, уже спущенных вниз военными и моряками к подъездам музея. В сопровождении научных сотрудников и вооруженных бойцов от каждого подъезда двинулись машины, направляясь к Московскому вокзалу. Через Дворцовую площадь, по Невскому проспекту...Сопровождающими были представители каждого отдела» [11. С.14]

Воспоминания ценны еще и тем, что в них содержатся подробности приемки экспонатов в Свердловске. Чего нет в воспоминаниях М.С Коноплевой, оставшейся в Ленинграде. Глафира Николаевна Балашова

пишет о прибытии в Свердловск 1 августа 1941 года: «Второй эшелон прибыл в Свердловск поздно вечером. Шел дождь. Нас никто не встречал, и до утра мы оставались в вагонах. Несмотря на дождь и позднее время, начальник второго эшелона Михаил Петрович Грязнов отправился на ул. Вайнера, в филиал.» [11. С.43]

Г.Н. Балашова описывала хранительскую работу в филиале так: «Главной задачей Свердловского филиала было хранить и оберегать сокровища Эрмитажа. Экспонаты были упакованы в ящики (было свыше 2500 ящиков) и размещены по названным уже объектам.» «Дежурство на всех объектах было круглосуточным, его несли научные сотрудники (по 8 часов на 1 объекте и по 12 часов на 2 и 3) вместе с дежурным милиционером. Через каждые три часа в обходе участвовали работники ведомственной пожарной охраны. В каждой из дежурок был установлен телефон, по которому все сообщения передавались в центр, где лежал общий дневник. В обязанности дежурных входило соблюдение чистоты в помещениях, проветривание, устраивались генеральные уборки. Непосредственными исполнителями всех уборок были сами сотрудники.» [11. С.105]

Характер воспоминаний очень схож с записями в дневнике Марии Сергеевны Коноплевой, авторы четко и емко описывают события, происходящие в Эрмитаже, а именно порядок эвакуации экспонатов в Свердловск. Вот, как М.С. Коноплева и Г.Н. Балашова описывают события в Эрмитаже 23 июня 1941 года: «Эрмитаж закрыт. В залах, вместо посетителей выстраиваются ящики разных размеров, картины начинают исчезать со стен. Очищаются подвальные помещения, где устраиваются бомбоубежища. Часть помещений будет использовано для хранения коллекций.», [1] «С утра, 23 июня, мы были уже в Эрмитаже, где были начаты работы по подготовке к эвакуации. Заранее приготовленные ящики, внутри которых был упаковочный материал: бумага, вата, стружка и др., имели определенные маркировочные знаки. Так, ОВ – Отдел Востока, ОК –Особая кладовая, ОИПК – Отдел истории первобытной культуры и т. д.» [11 С.13]

3.4 Эрмитаж в блокаду Ленинграда глазами ребенка

Анна Григорьевна Белова - филолог-арабист, доктор филологических наук, сотрудник ИВ РАН (Москва). А.Г. Белова родилась в 1933 году в Ленинграде, ей было всего лишь 8 лет на момент начала блокады. Детали событий автор восстанавливала по сохранившимся дневникам отца. Григорий Дмитриевич Белов работал в Отдел искусства и культуры античного мира, а мать Любовь Николаевна Белова была нумизматом-античником [11. С.4].

В воспоминаниях Анны Григорьевны Беловой немного упоминаний об Эрмитаже, но некоторые все-таки удалось найти. Вот, что А.Г. Беловой удалось вспомнить об Эрмитаже: «С первого дня войны я почти не видела отца: с утра до ночи он был в Эрмитаже, шла работа по срочной эвакуации музейных экспонатов, готовили первый эшелон, моя мама, как и все женщины нашего дома, часто дежурила во дворе. Дни стояли теплые и солнечные, и мы, дети дежурных, часто играли во дворе нашего дома или в его большой подворотне» [11. С.17].

Анна Григорьевна Белова со своими родителями также, как и Г.Н. Балашова эвакуировались в Свердловск. Вот, как автор описывает переезд в Свердловск: «Ехали мы долго, около двух недель, часто стояли на полустанках и разъездах, иногда просто в чистом поле. Погода была хорошей. Сразу за нашим вагоном была прицеплена открытая платформа, на ней был какой-то груз под брезентом. Иногда мы выбирались на эту платформу и ехали на открытом воздухе. В эшелоне был комендант и охрана. Точное место нашего назначения было засекречено, но мы знали, что едем на Урал» [11. С.37].

А.Г. Белова достаточно подробно описывала быт после эвакуации в Свердловск: «Большой коридор и дворы вокруг общежития и сараев стали местом наших детских знакомств, игр и потасовок. В те дни я познакомилась и надолго подружилась со своими ровесницами: Наташей Ламановой, дочерью Ирины Михайловны Левиной, и Олей Шмидт, дочерью Ариадны

Александровны Шмидт. Ее младшая сестра Марьяна и Таня Балашова [Климчицкая] были еще очень малы для нашей компании. Из мальчиков помню там Орика Грязнова, Юру Балашова, Юру Кроля.» Из данного отрывка можно сделать вывод, что Анна Григорьевна Балашова общалась с детьми Г.Н. Балашовой [11. С.38].

Также присутствуют некоторые упоминания о разгрузке эрмитажных экспонатов: «В течение всего месяца нашей жизни во Втузгородке сотрудники были заняты разгрузкой и устройством эрмитажных вещей в городе. Для Эрмитажа были выделены: Картинная галерея (объект № 1), Костел (объект № 2) и Антирелигиозный музей (объект № 3). Все были засекречены и зашифрованы на «объекты». Так мы их и называли, даже в разговорах между собой» [11. С.38].

Данные воспоминания ценны тем, что позволяют рассмотреть эвакуацию в Свердловск глазами ребенка.

Заключение

Дневник Марии Сергеевны Коноплевой является ценным источником по изучению жизни людей в блокадном Ленинграде, который показывает разные стороны жизни и быта ленинградцев. В ходе изучения блокадного дневника удалось структурировать и проанализировать материал, выделить темы, к которым М.С. Коноплева обращалась не единожды.

Практически в каждой записи автора можно встретить описание быта, улиц, домов, организации питания в столовых, работы в Эрмитаже эвакуации экспонатов и изменений в работе. Последняя запись в дневнике была сделана 19 января 1943 года.

М.С. Коноплева, пережив блокаду Ленинграда и Великую Отечественную войну, продолжала работать в Эрмитаже, продолжала жить на улице Маяковского дом 27. Её не стало в 1946 году, где похоронена М.С. Коноплева не известно.

На основании анализа блокадного дневника, можно сделать следующие выводы:

1. Дневник Марии Сергеевны Коноплевой является ценным источником по изучению блокады Ленинграда.
2. Рассматриваемый дневник свидетельствует об организации разных сторон жизни в блокадном Ленинграде: питания, быта, защите домов от налетов
3. Немало страниц дневника М.С. Коноплевой посвящено организации эвакуации музейных экспонатов, организации деятельности эрмитажных сотрудников.
4. По дневниковым записям составлен топографический указатель, включающий блокадные места М.С Коноплевой (См. приложение 3)
5. Дневниковые записи, касающиеся блокадного Эрмитажа, М.С. Коноплевой были дополнены воспоминаниями Г.Н. Балашовой и А.Г. Беловой. Данное дополнение помогло расширить представление об организации работы в Эрмитаже и эвакуации экспонатов в Свердловск.

Мария Сергеевна Коноплева не претендовала на звание героя, она просто сумела выжить в тяжелейших условиях, не теряя при этом человечности и стойкости.

Список использованных источников и литературы

1. Коноплева М.С. Дневник «В блокированном Ленинграде», 22 июня 1941г.-19 января 1943г. Ленинград. ОР РНБ. Ф.368.
<https://prozhito.org/person/1998>
2. Адамович А.М, Д.А. Гранин. Блокадная книга. Лениздат . 1977 год.
3. Вольценбург Оскар Эдуардович. Сотрудники РНБ-деятели науки и культуры. Биографический словарь, т. 1-4 (электронная версия) РНБ;
https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=763
4. Галасьева Г. В. Книжная коллекция высших женских курсов Н. П. Раева в фундаментальной библиотеке герценовского университета, Научная статья. Журнал Universum: Вестник Герценовского университета. 2009 год.
5. Единый реестр профессиональных художников Российской Империи, СССР, Российской Федерации и республик бывшего Советского Союза (XVIII-XXI вв.) \ <http://painters.artunion.ru/index.htm>
6. Коноплева Мария Сергеевна (1871-1946). Биографика СПбГУ.
<https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/2354-konopleva-maria-sergeevna.html>
7. Кузьмичева А.Б. Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий. Сборник докладов всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию Екатеринбургского музея изобразительных искусств и 75-летию эвакуации коллекций Государственного Эрмитажа на Урал. Екатеринбург, 2016.
8. Мария Семеновна Жукова //сост. М.С Коноплева. Голос минувшего. 1913. №7.

9. Работа Союза городов на Северо-западном и Северном фронтах: 1915-1916 гг. / сост. М.С. Коноплева и Г.А. Вяткин. Псков: Типография А.Б. Неймана, 1917.
10. Русский архив. Историко-литературный сборник. 1911 г. Выпуск 9.
11. Эрмитаж. Хроника военных лет 1941-1945. Санкт-Петербург, издательство Государственного Эрмитажа, 2020г.
12. Яров С. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. СПб. 2013г.

Приложение

Приложение 1. Фотография М.С. Коноплевой. 1890-е годы (?)

Приложение 2. Карточка на питание за ноябрь 1941 года.

100 гр.	100 гр.	100 гр.				
№ 2 НОЯБ.	№ 4 НОЯБ.	№ 6 НОЯБ.	№ 7 НОЯБ.	№ 8 НОЯБ.	№ 4 НОЯБ.	№ 6 НОЯБ.
МАСЛО	МАСЛО	МАСЛО	МАСЛО	МАСЛО	САХАР	САХАР
100 гр.	100 гр.	100 гр.	100 гр.	100 гр.		
№ 1 НОЯБ.	№ 2 НОЯБ.	№ 3 НОЯБ.	№ 4 НОЯБ.	КАРТОЧКА на САХАР и кондитерские изделия — МАСЛО животное и растительн. — 800 гр. РЫБУ и РЫБОПРОДУКТЫ — 1000 гр. КРУПУ и МАКАРОНЫ — 2000 гр. на НОЯБРЬ 1941 г. Фамилия		
РЫБА и РЫБОПРОД.	РЫБА и РЫБОПРОД.	РЫБА и РЫБОПРОД.	РЫБА и РЫБОПРОД.			
300 гр.	200 гр.	300 гр.	200 гр.			
№ 6 НОЯБ.	№ 8 НОЯБ.					
КРУПА и МАКАРОНЫ	КРУПА и МАКАРОНЫ					
200 гр.	200 гр.					
		№ 7 НОЯБ.				

Приложение 3. Топографический указатель.

№	Объекты городской среды, упомянутые в дневнике	Дата упоминания
1	Александровский сквер перед Казанским собором	25 июня
2	Площадь Урицкого	28 июня
3	Александровская колонна	28 июня
4	Русский Музей	1 июля
5	Московский вокзал	1 июля; 13 июля;
6	Канал Грибоедова	5 июля
7	Улица Толмачевой	5 июля; 12 сентября
8	Зимняя Канавка	9 июля
9	Улица Халтурина, возле Зимней Канавки	10 июля
10	Володарский проспект	10 июля
11	Проспект 25 октября	10 июля
12	Волковское кладбище	24 июля
13	Улица Маяковского	8 сентября
14	Улица Некрасова	8 сентября
15	Васильевский Остров	12 сентября
16	2-ая линия проспекта Пролетарской Победы	13 сентября
17	Средний проспект	13 сентября
18	Мальцевский рынок	17 сентября
19	Улица Герцена	27 сентября
20	Саперный переулок	16 октября
21	Улица Халтурина	17 октября
22	Инженерная улица	17 октября
23	Ленсовет	26 октября
24	Филармония	2 ноября

Приложение 4. Картины, подготовленные к эвакуации. Осень 1941 г.
Фотография Б. П. Кудоярова.

Приложение 5. Ящики с экспонатами в Картинной галерее на ул. Вайнера, 11.
Свердловск.

Приложение 6. Глафира Николаевна Балашова (1930-е)

